

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.5

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУЩНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ФОРМ ТЕРРОРИЗМА

© 2010 г. В. А. Чуланов, В. Н. Гурба

*Шахтинский институт (филиал)
Южно-Российского государственного технического университета
(Новочеркасского политехнического института)*

Поскольку в научных публикациях не утихают споры по поводу определения сущности и грани терроризма и по прежнему нет единства в определении этого социального феномена то, следовательно, возникают проблемы разработки эффективных мер противодействия современному террору. Здесь предпринята попытка социологического анализа различных подходов, концепций и факторов понимания и содержания террористической деятельности.

Ключевые слова: *терроризм; преступление; конфликт; криминал; насилие; экстремизм; религия; этнос; государство.*

Lots of scientific papers are full of discussions about essence and a side of terrorism. A unified definition of this social phenomenon still does not exist, so it becomes a reason for some troubles with working out effective measures of counteraction to nowadays terror. In the article we try to present a sociologic analysis of various approaches, concepts and factors of understanding and maintenance of terrorists activities.

Key words: *terrorism; crime; conflict; criminal activities; violence; extremism; religion; ethnos; the state..*

Даже короткий обзор подходов к определению сущности и границ феномена терроризма, демонстрирует трудности определения данного социального явления и отсутствие согласия в научной среде в отношении его существенных черт. Но если нет четкой дефиниции явления, как возможно организовать систему противодействия терроризму и борьбу с террористической деятельностью? Вероятно, отсюда проистекает противоречие академического и практического подходов к проблеме терроризма. В академических кругах бытует мнение, озвученное американским исследователем У. Лакьюэром, что термин «терроризм» перегружен значения-

ми и с трудом поддается определению [19]. Нужды практической работы по противодействию терроризму требуют достаточно четких определений, которые представлены в национальных законодательствах и международных правовых документах. Четкие критерии становятся основанием для работы правительств, полицейских, военных структур и органов безопасности. Так, например, в Германии для определения террористических организаций пользуются следующими критериями: наличие политической цели, антидемократический характер этой цели, сознательное применение насилия для устрашения населения и оказания воздействия

на правительство. Кроме того, субъекты террористических действий должны вести существование, скрытое от глаз общественности.

К сожалению, реальность оказывается полнее, чем формулировки официальных документов. Например, в США терроризм определяется как «преднамеренное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения и «нонкомбатантов» с использованием отдельных национальных групп или тайных агентов, как правило, с намерением повлиять на массовое сознание населения» [21]. Официальные документы акцентируют политическую мотивацию терроризма, что ведет к тому, что террористические акты, вызванные криминальной активностью, религиозными причинами и т. д. выпадают из определений. Поэтому спецслужбы, полицейские и судебные органы в своей практической работе предпочитают не обращать внимание на мотивацию субъектов терроризма или сводить ее к политической, если очевидно наличие террористических методов. Но такой подход не может содействовать созданию эффективной системы противодействия терроризму.

Во-первых, на практике приходится сталкиваться с проблемой отделения терроризма от обычных уголовных преступлений. Террористическая компонента присутствует в составе многих преступлений, очевидно сходство криминальной и террористической деятельности. Появились формулировки, типа «криминальный терроризм», исключаящие приоритет политической мотивации в уголовном терроризме, как «деятельности организованных криминальных структур, преступной по содержанию, террористической по форме: взрывы, поджоги, перестрелки с применением автоматического оружия, заказные убийства, захваты заложников с целью получения выкупа и т. п.» [12].

Во-вторых, в практической деятельности возникает проблема отделения терроризма от военных действий, которые ведет другое государство методами партизанской войны, с использованием диверсий и провокаций. К. Клаузевиц считал войну актом насилия, целью которого является «заставить противника выполнить нашу волю» [9], что

адекватно целям террористических действий. Терроризация мирных жителей характерна для любой военной операции, проходящей вблизи населенных пунктов. Для современных войн характерен рост удельного веса мирного населения среди общего числа жертв. Так, в Первой мировой войне погибло всего 5% мирных жителей, во Второй мировой войне их доля составила половину среди общего числа жертв. В современных локальных конфликтах мирные жители составляют абсолютное большинство жертв. Поэтому критерий разграничения терроризма и войны как направленность действий (против сил противника, способных оказать более или менее равновеликое сопротивление, и направленность против тех, кто не обладает возможностью сопротивления [4]) не всегда работает эффективно. Современные военные стратеги расценивают терроризм в качестве «суррогатной войны», спонсируемой другими государствами.

В-третьих, дефиниции практического подхода можно считать производными политического, правового, морального сознания современного западного общества, в то время как мир гораздо более многообразен. Генезис формулировок определяет отношение к терроризму как антидемократическому, аморальному, незаконному поведению, что позволяет применять санкции, разработанные в рамках западной системы, но не в состоянии снизить эскалацию терроризма в мире.

Проблемы применения современных практикоориентированных подходов и дефиниций актуализируют академические исследования социальной сущности, системных характеристик терроризма и социальных механизмов воспроизводства данного явления.

Социологический анализ терроризма, опираясь на описательные характеристики терроризма (использование силы, индивидуальное или групповое совершение террористических актов, направленность на гражданское население, целенаправленное создание в обществе атмосферы страха и т. д.) должен учитывать разноразнообразие его проявлений (государственный – негосударственный, глобальный – локальный), слож-

ность и неоднозначность мотивации террористов, сложность и неоднозначность отношения населения к этому явлению, его внутреннюю противоречивость, укорененность террористических методов в социальной и политической системе общества. Эффективность противодействия терроризму зависит от познания его внутренних системных противоречий, выступающих источником его развития и трансформации его исторических, национальных, региональных форм.

Одним из факторов, порождающих проблемы и противоречия концептуального анализа терроризма является недостаточная четкость базовой категории анализа. Предложения использовать в этом качестве такие понятия, как «агрессия», «война», «геноцид», «революция», «террор», «экстремизм», вызывают справедливую критику. Более обоснованным представляется стремление опереться на категорию «насилие» («не всякое насилие есть терроризм, но всякий терроризм есть насилие» [22]). Но такой подход порождает новые проблемы: содержательная нечеткость категории «насилие», крен в психологические и этические корни проблемы, деформация оценок в силу категоричного неприятия насилия западным теоретическим и обывательским сознанием как принципа отношений, противоречащего правам человека, свободам и демократическим ценностям. Квалификационная характеристика «применение насилия» в восприятии общественности равнозначна осуждению лиц, применивших соответствующие методы, что ведет к идеологической, политической необъективности оценок.

С нашей точки зрения, поместив в центр социологической конструкции «терроризм как социальное явление» следует поместить понятие «конфликт». Это понятие обладает рядом преимуществ.

Во-первых, оно позволяет рассмотреть терроризм как специфическое проявление универсальных тенденций развития социальных систем. «Термин «конфликт», – отмечал известный конфликтолог Р. Дарендорф, – может быть использован при характеристике споров, соперничества, дискуссий и напряженности так же, как и для острых социальных столкновений. ... Конфликт мо-

жет принимать форму гражданской войны или парламентских дебатов, забастовки или хорошо отрегулированного протеста» [17]. Во-вторых, это понятие позволяет совместить структурные и процессные аспекты исследования терроризма. В-третьих, это понятие обеспечивает совмещение исследования терроризма на макро- и микроуровнях. Т. е. понятие «конфликт» позволяет рассмотреть терроризм не только на уровне системных трансформаций базовых социальных институтов в обществе, изменяющих его социальный тип, но и как процесс принятия решений, выбор целей и способов действий конкретным человеком, чьи интересы не учитываются или прямо нарушаются в данном обществе.

Формулировки понятия «конфликт» многочисленны и разнообразны. Мы исходим из посылки о конфликте как перманентном состоянии социального организма (Р. Дарендорф) и диалектической концепции, согласно которой конфликт есть проявление обострившиеся противоречий, лежащих в основе любого социального процесса. Разрешение противоречия не всегда конфликтно, но в основе любого конфликта следует искать противоречия, его породившие. Наличие конфликта выступает показателем необходимости разрешения социальных противоречий, что становится важнейшим методологическим принципом конструирования системы предупреждения терроризма и антитеррористической стратегии управления. Конфликты могут быть структурные, функциональные, культурные, институциональные и т. д. Но они всегда проявляются, как конфликты между различными общностями и группами населения. Обострение противоречий обусловлено различием политических, экономических, идеологических, культурных интересов, целей деятельности, разными представлениями о возможных способах и методах достижения целей и т. д. [10]. Способы разрешения конфликтов лежат в континууме «применение силы – возможность мирных соглашений». В зоне применения силы расположены мировые и локальные войны, отдельные акты диверсии, убийства политических, профсоюзных, партийных лидеров и государственных деяте-

лей, атаки на собственность, междоусобная борьба, политический терроризм и т. д. Выбор террористической стратегии разрешения конфликта не является произвольным, он имеет свои предпосылки и обусловлен политико-экономическим и культурным состоянием общества, его институтами, моральной и психологической атмосферой. Таким образом, социальная сущность терроризма определяется нами как способ разрешения социального конфликта в условиях предрасположенности общества или социальной группы к насильственным методам регуляции отношений, зачастую при отсутствии иных механизмов конфликтной регуляции и каналов коммуникации субъектов конфликта.

Конфликтологический анализ терроризма позволяет систематизировать разнообразные виды и формы террористической активности. Обычно, в качестве критериев проведения классификаций терроризма используют различие мотивации террористов, целей, методов, субъектов и т. д. Но каждая из существующих типологий страдает несистематичностью, случайностью отбора. Так, классификация типов терроризма Дж. Поста [20], включает деление по субъекту терроризма (государственный, негосударственный терроризм, терроризм, поддерживаемый государством), а также по способам осуществления террористических действий. Негосударственный терроризм классифицируется в соответствии с целями террористов:

- а) левые террористические группы;
- б) правые террористические группы;
- в) националистические сепаратистские группы;
- г) религиозные экстремистские группы (в том числе фундаменталистские и группы новых религий),
- д) террористические группы, нацеленные на решение отдельных социальных проблем.

Классификация Дж. Поста не является универсальной, но вполне приемлема в качестве инструмента изучения терроризма, что подтверждается структурой справочников и обзоров [14]. Тем не менее, в ней отсутствуют важные моменты. Так, важным

моментом классификации по субъекту является разделение на терроризм одиночек и терроризм организованных социальных групп. А. В. Кива и В. А. Федоров уточняют, что по составу и характеру участников террор может быть индивидуальным, групповым, государственным. А по целям они различают терроризм криминальный и политический. Масштаб деятельности террористов, выходящий за рамки национального государства, позволяет выделить международный в тех же формах (международный криминальный и международный политический) [8]. О необходимости законодательного закрепления форм политического и уголовного терроризма пишут многие авторы [1]. Сходство используемых средств, возможно, позволяет производить наказание субъектов по общим меркам, но разделение экстраординарного политического насилия на криминальный и политический виды проблематично. Кроме возникающего логического противоречия очевидно смешение явлений, возникших и существующих на различной основе.

Конфликтологический анализ терроризма заставляет обратить внимание на характер и масштабы исходного социального противоречия, выступающего источником конфликта, разрешаемого террористическими методами. Базовое противоречие определяет цели субъектов террористической деятельности, формы, методы, масштабы террористической активности. Таким образом, возникают полярные формы терроризма:

– внутренний политический терроризм как борьба за власть и перераспределение экономических ресурсов и глобальный политический терроризм как системный вызов существующему проекту глобального мироустройства;

– «революционный» терроризм, направленный на переустройство общества (локального или глобального) и «репрессивный» терроризм, направленный на ограничение деятельности определенных лиц и групп, ограничение форм поведения.

Каждая из этих социальных форм не является однородной, а включает разнообразные проявления. Так, В. Е. Петрищев, полагает, что внутренний и международный терроризм включает:

– насилие в отношении оппозиции, лиц, групп, категорий, слоев населения, инспирируемое государством и реализуемое через силовые структуры,

– насилие, осуществляемое неправительственными общественными объединениями и партиями в интересах защиты институтов существующей власти,

– насилие, направленное против государственных институтов, их представителей и защитников,

– насилие, используемое в ходе межпартийной борьбы и т. д. [13].

Каждой исторической эпохе присущ свой «типичный конфликт», придающий особенность формам террористической активности. Так, XIX в. отмечен революционным терроризмом, который проявился прежде всего как убийств государственных чиновников и военных. XX век – это всплеск национально-освободительного движения (левый терроризм в Латинской Америке, движение национального освобождения на других континентах), а также молодежное протестное движение 60-х, сыгравшее значительную роль в становлении левого терроризма в Европе. Терроризм конца XX в. характеризуется не просто усилением исламской идеологии, этническими и религиозными интересами отдельных групп [11], сколько глобальным противостоянием духовной, экономической, политической стратегии господства Запада. Именно в этом ключе проницает «новый терроризм» терроризм И. П. Добаев, как «системный вызов складывающемуся однополярному мироустройству при глобальном лидерстве США» [3].

Кроме того, современные конфликтологи считают, что каждой исторической эпохе присущ не только свой «типичный конфликт», но и формы, и организационные принципы разрешения конфликтов [15]. В «традиционном» обществе организационным принципом выступает насилие, доминируют принцип силы и угроз физической расправы. В современном обществе формируются рациональные способы поведения в конфликте и рациональный терроризм, что определяет возможности использования терроризма как элемента рациональной стратегии по-

литической борьбы. Б. Дженкинс в семидесятые годы предложил возможный вариант развития рациональных террористических стратегий: «терроризм, отрицаемый как легитимный способ войны большинством традиционных военных истеблишментов, мог бы стать приемлемой формой войны в будущем. Террористов можно было бы нанять для провокации международных инцидентов, создания тревоги у страны-противника, принуждения к выделению значительных ресурсов для своей защиты, разрушения ее морального духа и осуществления специфических актов диверсии. Правительства могли бы нанимать существующие террористические группы для атаки своих оппонентов или же создать своих собственных террористов. Терроризм требует только небольших инвестиций, естественно, гораздо меньших, чем стоит ведение традиционной войны. И он может подорвать дух врага» [18]. Современные тенденции использования терроризма в современных локальных конфликтах подтверждают прогноз 70-х годов.

Сосуществование традиционных и современных обществ в едином пространстве национальных государств или глобальном мировом пространстве обуславливает сосуществование различных социальных форм терроризма, отличающегося ориентацией, либо на рациональные (можно даже сказать рыночные) стратегии выбора наименее затратного и наиболее эффективного способа достижения поставленной цели, либо на традиционный тип поведения в конфликте, регулируемый традициями и обычаями народа. Оба типа различаются способами легитимации террористических практик, характером террористической виктимности, характером моральных оценок, взаимоотношениями с обществом.

Необходимость выделения формы терроризма традиционных общностей, существующих внутри современного общества, ощущается многими авторами. А. В. Кива и В. А. Федоров, наряду с индивидуальным, групповым и государственным терроризмом, выделяют также коллективную форму террора, включая в нее выступления толпы, «вооруженного народа», действия военизированных формирований, которые «избива-

ют и убивают «чужих», «неверных», «эксплуататоров-кровопийц», «изменников» и т. д., громят магазины, лавки [8]». С нашей точки зрения необходимо различать народный бунт, который может перейти в погромы, вооруженное противостояние власти, и специфическую социальную форму терроризма, порожденную сосуществованием архаических и современных социальных структур. Социализация людей в разных типах социальных общностей потенциально конфликтогенна, поскольку порождает разные схемы восприятия и поведения, что отражается на формах террористической организации, целях и методах террористической деятельности.

Мир общностей изменчив исторически. Первоначально человек включен в кровнородственные общности, затем появляются и развиваются такие «естественные» общности, как поселенческие общности на неродственной основе, этнос, государство, а также общности, возникающие на духовной, идейной основе (религиозные общности, идеологические общности). Н. Ф. Ильясов предлагает учитывать «новые мегаобщности» – развитые, развивающиеся и отсталые страны как значимый для массового сознания фактор [5]. В. А. Тишков размышляет о формировании транснациональных и «псевдо-цивилизационных» общностей – исламской, арабской, тюркской, магрибской, солидарность в которых «выстраивается по причудливым принципам» [16]. Исторические общности появляются, но не исчезают, а сосуществуют в современном многообразном глобальном мире. Но глобальность отражается на социальных формах современного терроризма не только в плане международных претензий, целей или мирового пространства как поля своей деятельности. Террористические структуры глобального общества способны пронизывать все общество на транстерриториальной основе.

Условием и фактором глобализации стало появление новейших информационных технологий, изменивших архитектуру и геометрию социального пространства. Благодаря информационным технологиям и современной экономической инфраструктуре, согласно Кастельсу, трудовые взаимодействия

организуются в сети и потоки, слабо связанные с отдельными странами [6]. Формируются новые социокультурные общности, выходящие за рамки национальных и этнических образований. В. А. Тишков отмечает появление в современном мире новых общностей, которые представляют собой «диаспорные, радикально-фундаменталистические или нарко-криминальные коалиции», формирующиеся на основе неформальных сетей.

Сетевые экономические структуры, пространство потоков (капиталов, товаров, финансов, людей), сетевые взаимодействия социокультурных групп отражаются на всех социальных структурах и процессах, в том числе и на новых формах терроризма, которые можно обозначить как терроризм сетевых структур. И. Добаев и А. Добаев отмечают использование современным терроризмом технологии сетевых войн, впервые выдвинутой в 1996 г. сотрудниками «RAND Corporation» Джоном Аквиллой и Дэвидом Ронфельдом [3]. Но речь идет не столько об использовании информационных сетей для совершения террористических актов, сколько о его специфической организации. Такие террористические организации, как «Аль-Каида», «Талибан» и др. выстраивают свои организационные структуры по типу «паучьей сети», а боевые действия осуществляют по модели «пчелиного роя», сочетая, таким образом, организационную устойчивость и высокую боеспособность. Исследователи справедливо подчеркивают, что элементами гибких сетевых структур являются самостоятельные террористические группы и отдельные индивиды. Учитывая сосуществование и преемственность исторических социальных форм, можно расширить элементный состав сетевой структуры терроризма, включающей террористические организации и группы разного типа, преследующие разные цели, и не обязательно спаянные общей идеологией. Можно воспользоваться метафорой единого живого организма, не имеющего строго локализованных центров силы и управления, не имеющего строгих, четко очерченных границ (территориальности или членства). За счет такой организованности и гибкости, новейший терроризм легко проникает в другие сферы,

страны, политической системы, вовлекается в различные виды деятельности (криминальная активность, наркобизнес и т. д.). Социально-политические и социокультурные принципы Запада (политкорректность и мультикультурализм) способствуют усилению таких структур и затрудняют реализацию антитеррористических стратегий. В то же время отказ от этих принципов невозможен, поскольку затронет глубинные основы демократической организации.

Подведем итог рассмотрения социальных форм терроризма и уточним терминологию, которую будем использовать в дальнейших исследованиях. Формы терроризма, порожденные европейской социально-политической жизнью, характерные для XIX – середины XX века (внутригосударственный и международный политический терроризм), можно было бы назвать «традиционным терроризмом», если бы не возникала ошибочная аналогия с традиционным типом обществ. Учитывая, что с социологической точки зрения социальная организация этого общества характеризуется как «современное общество», будем называть расцветший на его почве терроризм «современным политическим терроризмом». Вовлечение традиционных общностей, основными формами регуляции которых выступают местные обычаи и традиции, обычное право, во взаимодействии с современными социальными структурами порождает новый вид терроризма, который мы назовем терроризм адекватных обществ. Нынешние трансформации терроризма обозначим как современный сетевой терроризм.

Северный Кавказ представляет собой поле реализации различных форм террористической активности. Кроме вооруженных наемников и бандформирований, «отрабатывающих» затраченные на них средства иностранных спонсоров, очевидна борьба традиционных обществ за свой жизненный уклад, образ жизни и ценности, противостояние процессам разрушения культурных различий путем подмены национальных, этнических, религиозных ценностей суррогатами западной культуры. Кроме этно-культурного противостояния в северокавказском регионе Россия столкнулась со сращивани-

ем на основе сетевых взаимодействий глобального, религиозного, этнического терроризма и общеуголовной преступности, поддерживаемой как внутренними, так и международными политическими структурами. Непонимание композиционной сложности этого явления ведет к попыткам усиления силовой компоненты антитеррористической стратегии без учета других социальных составляющих проблемы, и, как следствие, к углублению регионального конфликта, серьезному вызову национальной безопасности и угрозам территориальной целостности России.

Литература

1. Ващенко Ю. В. Уголовная ответственность за терроризм: Дис. канд. юрид. наук. – М., 1998. – С. 12.
2. Добаев И. П., Добаев А. И. «Новый терроризм»: глобализация и социально-экономическое расслоение // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №5. – С. 114-120.
3. Добаев И. П., Добаев А. И. Указ. соч., с. 117.
4. Емельянов В. П. Терроризм и преступления террористической направленности. – Харьков: Рубикон, 1997. – С. 20-21.
5. Ильясов Ф. Н. Терроризм – от социальных оснований до поведения жертв // Социологические исследования. – 2007. – №6. – С. 79.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 152-153.
7. Кива А. В., Федоров В. А. Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. – 2003. – №1. – С. 132.
8. Кива А. В., Федоров В. А. Указ. соч., с. 132.
9. Клаузевиц К. О войне. – М.: Логос: Наука, 1994. – С. 35.
10. Круглый стол журнала «Государство и право»: Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. – 1995. – №4. – С. 30.
11. Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. – М., 1991. – С. 37.
12. Назаркин М. В. Криминологическая

характеристика и предупреждение терроризма: Дис. канд. юрид. наук. – М., 1998. – С. 50.

13. *Петрищев В. Е.* Заметки о терроризме. – М.: УРСС, 2001. – С. 12-13.

14. *Кожушко Е.* Современный терроризм. Анализ основных направлений. – Мн., 2000.

15. *Танчер В. В., Казаков В. С.* Технологии регуляции конфликтов: исторический характер, параметры консенсуса // Современная конфликтология в контексте культуры мира: Матер. I междунар. конгресса конфликтологов. – М.: УРСС, 2001. – С. 52.

16. *Тишков В. А.* Социально-культурный аспект феномена терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. – М., 2002. – С. 25.

17. *Dahrendorf R.* Class and class conflict in industrial society. – London, 1972. – P. 135.

18. *Jenkins B. M.* International Terrorism: A New Mode of Conflict. // Research Paper 48. California Seminar on Arm Control and Foreign Policy. Crescent Publications. – Los Angeles, California, 1974. – P. 21.

19. *Laqueur W.* New Terrorism. – Oxford: University Press, 1977.

20. *Post J. M.* Differentiating the threat of chemical and biological terrorism: Motivations and constraints // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. – 2002. – №8. – P. 187-200, 223-227.

21. *Reich W.* (Ed.). Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind. – Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 1998. – P. 262.

22. *Thackrah R.* Terrorism: A Definitional Problem // Contemporary Research on Terrorism / Edited by Paul Wilkinson and Alasdair M. Stewart. – Aberdeen: Aberdeen University Press, 1989. – P. 32.

Поступила в редакцию

14 марта 2010 г.

Василий Александрович Чуланов – доктор философских наук, профессор кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ), заслуженный работник высшей школы, почетный гражданин г. Шахты.

Автор многочисленных работ по проблемам социальной стратификации, социологии управления, проблемам бедности и неравенства в современной России.

Vasily Aleksandrovich Chulanov – Ph.D., doctor of philosophy, professor of «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch, Higher education Honored member, freeman of Shakhty.

Author of numerous works, dedicated to problems of social stratification, sociology of management, poverty and inequality problems in nowadays Russia.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: (8636) 22-59-75, e-mail: gsn@itsinpi.ru

Владимир Николаевич Гурба – кандидат социологических наук, докторант кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ). Автор работ по проблемам социальных аспектов терроризма и экономического неравенства.

Vladimir Nikolaevich Gurba – Ph.D., candidate of sociology, working for doctor's degree at «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch. Author of numerous works, dedicated to problems of terrorism's and economic inequality's social features.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: (8636) 22-59-75, e-mail: gsn@itsinpi.ru
